

Вятский государственный гуманитарный университет

**ВЕСТНИК
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

№ 6

Киров
2002

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.С. Данюшенков (главный редактор),
Е.М. Вечтомов (зам. главного редактора),
В.Т. Юнгблюд (зам. главного редактора),
Е.О. Галицких (отв. секретарь),
В.А. Бердинских, А.М. Слободчиков,
В.Н. Оношко, Н.О. Осипова, В.Ф. Юлов

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Ленина, 111,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 673-674 (издательство)

Редакторы: Т. Котельникова, Ю. Болдырева, О. Коробкова
Компьютерная верстка: О. Редькина

Подписано в печать 25.03.2002 Формат 60×84 1/8
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,60. Тираж 500. Заказ 2061.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в КОГУП «Кировская областная типография».

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В.А. Бердинских, Л.Д. Макаров

**Н.Г. ПЕРВУХИН – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ВЯТСКОГО КРАЯ**

Имя исследователя археологии и этнографии Вятского края Н.Г. Первухина навечно вписано в историю науки. Недавно исполнилось ровно 100 лет со дня выхода в свет его основных археологических трудов, посвященных древностям Глазовского уезда Вятской губернии (Первухин Н.Г., 1896, с. 13-121, 128-160, 161-173). Однако сведения об этой незаурядной личности довольно скудны. Сразу после смерти исследователя появились некрологи, опубликованные в «Этнографическом обозрении» (Смирнов И.Н., 1980, с. 199-201) и «Вятских губернских ведомостях» (Н.Г. Первухин: некролог, 1890, с. 3-4). Справки о нем есть в обзоре деятельности Московского археологического общества, ряде сводок по археологии и этнографии (Московское археологическое общество, 1915, с. 267). Небольшие заметки о творчестве Н.Г. Первухина появлялись и позднее (Шмидт А.В., 1928; Генинг В.Ф., 1958, с. 22; он же, 1979, с. 3-4; Живаева Г.Т., 1970, с. 79-80; Семенов В.А., 1978, с. 5, 10-12; Иванова М.Г., 1979, с. 116; она же, 1985, с. 4-5; Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С., 1984, с. 38-40; Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, с. 4). Таким образом, до сих пор сколько-нибудь подробного анализа научного творчества Первухина-археолога не было сделано. Попробуем восполнить этот пробел, используя ранее не привлекавшиеся архивные данные.

Николай Григорьевич Первухин (1850-1889), выходец из среды духовенства, закончил Тверскую духовную семинарию и Московскую духовную академию. В 1875-1884 гг. он работал преподавателем истории и педагогики Нижегородского Мариинского института. Занятия по изучению местного края он начал в Нижнем Новгороде и уже в 1875 г. представил в Нижегородский статкомитет серьезный доклад (на 49 листах) о состоянии отхожих промыслов Арзамасского уезда в 1874 г. (ГАНУ, Ф. 610. Д. 231). Он избран членом Нижегородского статистического комитета и получил навыки краеведческой работы. Но основные исследования Первухина развернулись в 1885-1889 гг., когда он был назначен инспектором народных училищ Глазовского уезда Вятской губернии. В очень короткое время Первухин сумел сделать столько, сколько иные краеведы не смогли сделать в течение всей своей жизни, и стал одним из лучших исследователей края.

Подытоживая свою деятельность, Н.Г. Первухин писал за месяц до скоропостижной смерти: «Еще в весны 1885 года – с первого года своей службы в Вят-

ской губернии, я заинтересовался оригинальными особенностями быта того уезда, где мне пришлось служить, три инородческих племени которого: пермяки, бесермяне и особенно вотяки сохранили у себя до того времени не только предания и обычаи глубокой старины, но и памятники жизни древнейших обитателей этой страны – чуди и болгар. Пассивно относиться к предмету, меня интересующему, я не могу и потому скоро перешел к активным наблюдениям, вопросам и справкам и мои исследования с самого 1885 года направлены были по двум путям.

С одной стороны – на изыскания разных остатков древнего язычества в суевериях и обрядах инородцев (прежде всего вотяков). Результатом этих исследований явились мои «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда», из которых три напечатаны в «Вятских губернских ведомостях», а два – в «Календаре Вятской губернии».

С другой стороны, я начал собирать древние вещи, которые весьма во многих местностях Глазовского уезда были находимы крестьянами то при распахке полей, то при спаде весенней воды на берегах рек, то при копании случайных ям. Вместе с тем я начал собирать и предания о том или другом месте находок... и, наконец, по поручению Московского Археологического общества начал и нарочно разъезжать по уезду, лично осматривая и описывая урочища, на которых встречались находки, производил пробные раскопки и изыскания...» (ГАКО, Ф. 574. Лл. 71-72).

Археологические исследования в Глазовском уезде Первухин вел сначала на личные средства, а затем при финансовой поддержке Московского археологического общества. Уже 16 января 1887 г. он прислал туда свои рукописи и коллекции (Протоколы, 1888, с. 81). Вскоре был избран членом-корреспондентом общества (Московское археологическое общество, с. 267). В 1888-89 гг. Первухин регулярно присылал туда собранные им материалы, как вещевые, так и рукописные (Протоколы, 1890, с. 110; Протоколы, 1894, с. 92-94; 105, 159).

Сотрудничал Первухин и с Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Казанским обществом археологии, истории и этнографии, с Вятским статистическим комитетом (с 1886 г.).

Результатом его археологических изысканий стала книга «Очерк кладовищ Глазовского уезда», изданная Московским археологическим обществом. С П.С. Уваровой (председателем МАО) Первухин в эти годы ведет оживленную переписку. Также он был избран членом-корреспондентом МАО, ОЛЕЛЮ. Стал Первухин деятельным членом и Казанского общества археологии, истории и этнографии, Вятского статистического комитета (с 1886 г.).

Археологические коллекции, собранные Первухиным, были высланы им на VII и VIII археологические съезды. По словам самого исследователя, за 5 лет (1885-1889) он обнаружил в Глазовском уезде 64 городища, 84 места старых поселений и 157 могильников, из которых 49 мест старых поселений и 110 могильников были исследованы им лично. В собранную им первую археологическую коллекцию вошло 1765 предметов, во вторую – 1364 предмета, в третью – 360 предметов, в четвертую, приготовленную им к отсылке на VIII (Московский) археологический съезд, – 1500 экспонатов (ГАКО, Ф. 574. Л. 74).

Руководя всеми школами уезда, Первухин широко использовал помощь местных учителей. Он упоминает среди них Василия Степановича Раева, Прокония Васильевича Волкова, Шатрова и Рылеева. Безусловно, прежде всего он был полевым собирателем-практиком. Близко знавший его А.Л. Спицын писал: «Все труды Николая Григорьевича вполне самобытны. Он избег этой мелкой кропотливой разработки темы путем изучения литературы предмета, этого мелкого нанизывания факта на факт, этой безличной мозаичности в ученых разборах немецкого типа, а создавал целое по личным наблюдениям и впечатлениям, рисовал смелыми взмахами цельную органическую картину» (Спицын А.А., 1890, с. 3-4). На городищах закладывались шурфы, устанавливалось наличие культурного слоя. Могильники раскапывались более полно, делались планы и разрезы.

Изумительная быстрота и сосредоточенность, с какой работал Первухин, по мнению А.А. Спицына, объяснялась прежде всего его несомненной талантливостью, способностью к обобщениям, а также самой увлеченностью процессом научного изыскания. «Постоянные разъезды внутри уезда по обязанностям службы (надо было посещать школы. – Авт.) много содействовали успеху его личных расспросов» (Спицын А.Л., 1890, с. 4). Очень быстро учитель, используя свои контакты с П.С. Уваровой, председателем MAO (последняя посылала ему книги по археологии, давала задания по раскопкам), стал вполне самостоятельным археологом-исследователем. Переписка с П.С. Уваровой, консультации другого вятского учителя А.А. Спицына (позднее крупного археолога) помогли ему осознать научную значимость своих любительских занятий. В 1888-1889 гг. Первухин подготовил для MAO тщательно составленную археологическую карту Глазовского уезда, а также ряд рукописей. Три из них были опубликованы под редакцией П.С. Уваровой в серии «Материалы по археологии восточных губерний России» уже после смерти Первухина в 1896 г. В книге статьи Первухина занимают 162 страницы. К ним приложено более 20 страниц на меловой бумаге с изображениями нескольких десятков древних вещей: бронзовых украшений из памятников эпохи раннего железа и средневековья на р. Чепце и других притоках Камы (Первухин Н.Г., 1896). Известный знаток археологии Прикамья А.В. Шмидт писал в

1928 г., что Первухин дал «прекрасное описание городищ (с планами и разрезами) и отдельных находок древностей в Глазовском уезде» (Шмидт А.В., 1928, с. 204).

Помимо всех перечисленных работ (и все это за 5 лет) Николай Григорьевич приготовил вчерне обширный «Русско-вотский словарь Глазовского разговорного наречия». Сбор археологического материала перерос в собирание этнографической коллекции удмуртских вещей. Замечательна собранная им подборка детских вещей – предметов обучения и игрушек – удмуртского населения. Из-за отсутствия этнографической литературы (хотя на Ярославском археологическом съезде он, конечно, знакомился с книгами по этой тематике) Первухин шел в своих изысканиях на ощупь. Ему самостоятельно пришлось вырабатывать для себя методику работы в этом направлении. Он пытался изучать как духовную, так и материальную культуру удмуртов, исследуя фольклор, языческие предания и обряды, образ жизни живущих в уезде удмуртов. Идя от реалий окружающей его жизни, он сделал ценнейшие наблюдения и зафиксировал реалии мировоззрения и быта удмуртов на очень интересной стадии их жизни. 5 выпусков его «Эскизов преданий и быта инородцев Глазовского уезда» – ценнейший и наиболее полный на сегодня источник по этнографии глазовских удмуртов. (Автор планировал написать еще два выпуска).

Определенное представление о содержании «Эскизов» дают подзаголовки к ним: Эскиз 1 «Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях»; Эскиз 2 «Идоложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах»; Эскиз 3 «Следы языческой древности в образцах произведений устной народной поэзии вотяков»; Эскиз 4 «Следы языческой древности в образцах устной народной поэзии вотяков»; Эскиз 5 «Следы языческой древности в суевренных обрядах обыденной жизни вотяков от колыбели до могилы» (Первухин Н.Г., 1888, 1889).

Эти выпуски вышли в Вятке в 1888-1890 гг. Типография также отпечатавала их отдельной брошюрой очень маленьким тиражом (по 200, 300 экземпляров). Редактором и издателем Первухина на Вятке был секретарь губстаткомитета Николай Александрович Спасский (1846-1920), организатор и вдохновитель краеведческих исследований в Вятской губернии в течение нескольких десятилетий.

В письмах П.А. Спасскому, связанных с изданием «Эскизов», раскрывается круг деятельности и взглядов Первухина в последний год его жизни. Письма очень ярко характеризуют его как личность – альтруиста и бесребреника, «белую ворону» в среде уездного чиновничества. Думается, что враждебность, сплетни, клевета сильно отравляли жизнь инспектору народных училищ, не принявшему образ жизни людей «своего круга» и считавшемуся чудаком (к тому же без денег).

Хлопоча осенью 1889 г. о поездке на VIII Археологический съезд в Москву, Первухин писал 22 октября 1889 г. Н.А. Спасскому: «Имея горячее желание лично участвовать в Археологическом съезде, а кстати, во-1-х, по дороге на съезд повидаться с отцом-матерью, которые уже становятся стары и которых я не видал 14 лет, во-2-х в самой Москве посоветоваться с докторами-специалистами относительно постоянных болей, которые заставляют меня здесь чуть не каждый день принимать то или другое лекарство, – а при всем этом не имея никаких средств на поездку, – я обратился было к уездному собранию (земскому. – Авт.) с просьбой о единовременном пособии, но уездное собрание, отказав удовлетворить меня из своих средств, постановило перенести мое ходатайство в Губернское собрание. (...) Начиная свои разъезды по училищам, я опасаясь... пропустить срок своевременной подачи ходатайства. При этом покорнейше прошу Вас найти возможность замолвить в мою пользу словечко перед теми из гласных, которые Вам поболее знакомы и имеют покрепче авторитет. (...) Боюсь, что и среди глазовцев на Вятке я не найду единокрушной поддержки, так как в Собрании (уездном земском. – Авт.) провинился не знаю чем-то перед здешним заправилой – Ивановым, почему он на меня дуется и будет интриговать против меня» (ГАКО, Ф. 574, Л. 65).

Невзирая на занятость по службе, трудное материальное положение, тяжелую болезнь (туберкулез), Николай Григорьевич занимался своими научными работами до последних дней своей внезапно оборвавшейся жизни. 10 ноября 1889 г. он написал Н.А. Спасскому свое последнее письмо: «Низко кланяюсь Вам, душевно благодаря за то, что Вы уже сделали по моему ходатайству и благословляю Вас обеими руками на то, что Вы еще хотите сделать впредь, то есть поговорить с Председателем и Губернатором. (...) В первой половине октября, после Собрания, я объехал несколько училищ, но дорогою, должно быть, застудился и с тех пор сижу дома до сего времени и кашель не только избил мне все внутренности, но даже разорвал несколько кровеносных сосудов, так что у меня некоторое время шла даже кровь горлом. Вятская эпидемия (грипп. – Авт.) побывала у нас и тоже осложнила мою болезнь.

Занятый составлением отчета за 1889 гражданский год и окончательной отделкой Дневника своего летнего путешествия для Москвы я не собирался еще написать ни одного листочка по V эскизу и прошу Вас не сердиться на меня: мне надо поездить еще немножко по школам, а потом (авось, Бог даст!) и ехать в Москву. Впрочем в первую же свободную минуту даю Вам слово написать хоть листочка два и, право! – меня нельзя теперь называть лентяем, так как я ежедневно, несмотря на болезнь, занимаюсь по 4 часа утром и вечером.

Из новостей могу сообщить Вам: во-1-х, что Московское имп. общество любителей естествознания

выбрало меня своим действительным членом; а во-2-х, что на днях мне были высланы а) VIII том «Нижегородского сборника» (как члену Нижегородского статкомитета. – Авт.) и б) П.А. Вологдиным его брошюрка о фосфорном заводе Тупицыных» (ГАКО, Ф. 574, Лл. 66, 67).

Первухин умер внезапно от туберкулеза в расцвете своего таланта (39 лет), собравшись ехать на Московский археологический съезд, для чего губернское земство наконец выделило ему деньги.

22 декабря 1889 г. вдова Первухина писала Спасскому: «Многоуважаемый Николай Александрович! Мой муж сегодня умер. Я крайне стеснена в денежном отношении и потому покорнейше прошу хлопотать, чтобы деньги, ассигнованные Губернским земским собранием в помощь моему мужу для поездки в Москву на Археологический съезд, выдали мне. Надеюсь, что Вы, по своей доброте, исполните мою просьбу. Отвечайте поскорее». После этих слов в письме следует приписка неустановившимся детским почерком: «Пишу сын Сергей, потому что мама ужасно расстроена» (ГАКО, Ф. 574, Л. 69).

Губернское земство в этой просьбе отказало, видимо, считая выдачу средств на похороны Первухина использованием денег не по назначению.

Тип учителя-идеалиста, народолюбца, занимающегося в 1860-1890-е гг. историей, археологией, этнографией своего края, был достаточно широко распространен в российской провинции. Высоко оценивают значение сделанного Первухиным современные ученые. Память об этом инспекторе долго жила в Глазовском уезде. Через 5 лет после его смерти по ходатайству местных учителей, чтивших намять покойного, Министерство народного просвещения разрешило открыть подписку в уезде на устройство памятника Н.Г. Первухину. В связи с этим один из хорошо знавших инспектора учителей опубликовал в «Вятских губернских ведомостях» статью, наполненную живыми подробностями о работе Первухина в Глазовском уезде. Статья ярко характеризует не только Первухина, но и сам тип такого рода учителей-любителей истории, археологии, этнографии. Обратимся к материалам этой мемориальной статьи, учитывая, что автор подписался «Почитатель Н.Г. Первухина» и дал четко обозначенный положительно житийный материал.

Первухин за 5 лет, по словам автора, «приобрел симпатии буквально всех слоев Глазовского общества и уезда. Своим лобезным, истинно гуманным и просвещенным отношением к ученикам и учителям он положительно очаровал всех учащихся тех школ, которые ему удавалось посетить» (Память о покойном инспекторе народных училищ Н.Г. Первухине, 1895, с. 2). Будучи широко образованным человеком, он и в отношениях к людям всегда был ласков, лобезен, вежлив, ровен, в беседах неистоцим. Женат Николай Григорьевич был на дочери вятского кафедрального протоиерея Ст.Ник. Кашменского. Супруга его жела-

ла жить на родине. «В один из вакатов, когда он был в гостях у своего тестя, директор народных училищ Вятской губернии предложил ему занять место инспектора нар. училищ в Вят. губернии и он, по желанию своей супруги, изъявил согласие» (Память..., 1895, с. 2). По прибытии в Глазов Первухин завоевал симпатии местного общества. Тогда говорили, что такой человек, как Николай Григорьевич, для Глазова «большая роскошь».

Объезжая начальные училища в селах, Николай Григорьевич останавливался всегда у приходских священников – сказывалось его собственное происхождение из духовенства. Всесторонне знакомясь со школой, обращал особое внимание на преподавание Закона Божьего, отмечая, что и земские школы должны иметь такой же отенок церковности, как и церковно-приходские. Вечером весь причт и педагогический персонал приглашался в дом, где он остановился, на вечеринку с чаем. Инспектор был любезнейший собеседник. «Сельское духовенство особенно любило находиться в обществе, потому что от него было чему поучиться, что послушать».

Первухин умело привлекал людей к своему труду. «Он всем своим знакомым из сельской интеллигенции – духовенству и учителям говорил, что всякий человек, если он не имеет своего «конька», т.е. особенно излюбленного дела, погибший человек. Духовенству и учителям, кроме своих служебных обязанностей, он указывал на необходимость иметь какое-либо дело: земледелие, пчеловодство, лечение народа, занятие литературой и т.п. Особенно хорошо он относился к тем учителям, которые занимались чем-нибудь, кроме своих служебных обязанностей» (Память..., 1895, с. 3).

На старых вотских кладбищах и мольбищах инспектор делал раскопки, для чего ездил летом по уезду. Крестьянам и вотьякам, работавшим на раскопках, платил за поенщину деньги. Чтобы приучить крестьян к этим раскопкам даже в свое отсутствие, Первухин возил с собой по уезду массу подарков для них: крестики, кольца, бусы, серьги, пояски и прочее, словно продавец мелочного товара. Крестьяне так привыкли к нему, что летом ждали его к себе во многих деревнях и спрашивали: «Скоро ли приедет толстый барин?». Николай Григорьевич был очень полным человеком.

Археологические работы Н.Г. Первухина, опубликованные Московским археологическим обществом, стали лучшим памятником провинциальному энтузиасту науки. Вообще от всех публикаций ученого веет ярким и самобытным даром писателя, незаурядным талантом исследователя. И в то же время чувствуется его скромность и объективное осознание значения своего творчества. Опубликованные в МАВГР труды нельзя воспринимать как совершенно законченные, и на это указывает сам автор, утверждая, что его сочинение «еще нельзя назвать строго научным», поэтому «мы и позволяем себе назвать предлагаемый

нами труд только “опытом исследования”» (Первухин Н.Г., 1896, с. 19). Об этом говорят и редакторы издания, опубликовавшие труд «в первой необработанной форме дневника или заметок, которые предполагалось мало-помалу изменять, обрабатывать, придавая им характер научного исследования» (МАВГР, 1896, с. 1). Поэтому строго подходить к данному исследованию нельзя.

Судя по всему, Н.Г. Первухин намеревался создать действительно научный труд, но безвременная кончина не позволила осуществить задуманное. О серьезности намерений Николая Григорьевича говорит хотя бы тот факт, что во вступлении к первой статье он дает четкую структуру своего, по всей видимости, монографического исследования. В нем он наметил четыре части, в каждой из которых должен был рассмотреть отдельные категории археологических памятников – городища, неукрепленные поселения, могильники и местонахождения (Первухин Н.Г., 1896, с. 20). В итоге же были опубликованы 3 статьи, имеющие предварительный характер. (Одной из причин этого явилась, вероятно, слабая изученность селищ и местонахождений).

Первая из этих публикаций, «Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии» (МАВГР, 1896, с. 13-121), достаточно полно соответствует первоначальному замыслу автора: она имеет обширное вступление и содержит подробные описания городищ. Однако и здесь собран далеко не весь материал, например верхокамские поселения, описанные в основном по материалам учителя Шатрова, представлены лишь отдельными памятниками (этот пробел он восполнит во второй статье). Н.Г. Первухин начинает вступление в лучших традициях такого рода исследований – с яркой топографо-географической характеристики уезда. Он ставит вопрос о первоначальных этапах появления здесь человека, указывая на находки отдельных каменных орудий и костей ископаемых животных. Описывая этническую карту региона, автор отмечает, что здесь «сходились меж трех (...) земель: Великой Биармии, Югры и Камской Булгарии», а «население состояло не из одного, а из нескольких племен, не имевших прочной оседлости» (Первухин Н.Г., 1896, с. 14). В числе этих племен он называет «чудь», «бигеров» (татар) и «пород» (черемисов или чувашей), предполагая, что два последних могут означать и болгар. Останавливаясь на загадке происхождения бесермян, ученый абсолютно справедливо относит их «к совершенно своеобразному типу» (там же, с. 15).

Весьма трогательно описание типов археологических памятников и связываемых с ними народных суеверий. Представленная автором методика полевых исследований показывает достаточно высокий уровень его как специалиста. Им показана съемка топографических планов городищ, их шурфовка и подробное описание стратиграфии напластований. При изучении неукрепленных поселений обрасталось внима-

ние «как на относительное их положение, так и на величину и содержание вещеносного слоя» (там же, с. 19). В процессе поиска могильников проводился опрос местного населения, а при их исследовании – вполне профессиональное даже по современным меркам изучение погребений: удаление дерна, фиксация могильных ям, последующая выемка заполнения тонкими зачистками «до черного слоя (уцелевших следов тлена. – Авт.) или, вернее, до материкового слоя», стремление не потревожить остатки погребальных конструкций и вскрыть захоронение полностью, «чтобы, с одной стороны, – произвести измерение длины костяка, а с другой, лучше понять положение костяка в могиле. Измерялись также линия от поверхности земли до того слоя, в котором найден костяк и т.д.» (там же, с. 19). К сожалению, если судить по отсутствию указаний в тексте, рисунки при этом не делались, как, впрочем, поступали и другие раскопщики того времени.

Приступая к описанию городищ, Н.Г. Первухин делает попытку первичной (территориальной) их классификации, а также приходит к выводу, что намеченные им три линии городищ правобережья р. Чепцы охраняли «северную границу (...) Камской Булгарии» (там же, с. 22), причем ошибочно (как и прочие исследователи той эпохи) относит к ее памятникам Ананьинский могильник. Предположение о болгарской принадлежности бассейна р. Чепцы, конечно, устаревшее, но в данном случае важен тот факт, что именно Первухин первым выделил предметы болгарского происхождения на Чепце. В приведенном им списке учтено 75 городищ, которые ученый подразделяет на 5 групп, исходя из топографии и устройства оборонительных укреплений. Далее он дает обобщенную характеристику культурных напластований и материальной культуры (к сожалению, без привязки находок к конкретным памятникам).

Вторая и третья главы посвящены характеристике отдельных городищ. Здесь приводится чрезвычайно подробное описание памятников, сопровождаемое их планами, разрезами и точными промерами, а также вполне профессиональными стратиграфическими (словесными) иллюстрациями, дополняемыми местными легендами, связываемыми с этими памятниками. Автор перечисляет и выявленные на них находки, но чаще всего без ссылок на иллюстрации, хотя и без них можно приблизительно догадаться, что многие из этих предметов обнаружены на описываемых городищах.

Редакция издания сопроводила статью примечаниями, в которых находки описаны более подробно, соответствующим образом классифицированы и атрибутированы (МАНВР, 1896, с. 122-127). Однако и здесь паспорта находок не установлены.

Вторая статья Н.Г. Первухина «По следам Чуди. У верховьев реки Камы» (Первухин Н.Г., 1896, с. 128-160) полностью посвящена верхокамским древностям. Здесь также подробно описаны топография и

стратиграфия памятников, существенно дополнены сведения Шатрова. Кроме того, автор приводит перечни всех находок, многие из которых представлены в виде иллюстраций в тексте либо на сводных таблицах. Однако во многих случаях даются ссылки на одну и ту же вещь, в итоге она фигурирует при характеристике от двух до четырех памятников: автор, по видимому, за неимением возможности опубликовать все экземпляры, делал отсылку на однотипный предмет. А с другой стороны, многие другие находки, имеющиеся на таблицах, не упомянуты в тексте и, по существу, обезличены. Попытка обратиться к коллекции ученого (хранится в ГИМ, № 42548/266) показала, что вещи в ней уже депаспортизированы (Иванова М.Г., 1979, с. 116). Отметим, что большинство из известных ныне верхокамских городищ и могильников было Н.Г. Первухиным обследовано или хотя бы упомянуто.

Статья завершается аналитической частью. Здесь исследователь впервые отмечает различия между чепецкими и верхокамскими памятниками. Вопрос об этнической принадлежности «древнего населения Прикамского края» он оставил открытым, но тем не менее сумел на основании довольно-таки скудных материалов (и, надо сказать, достаточно прозорливо) выделить две более древние и две более молодые народности, назвав первые «Болгарскою» и «Чудскою», а последние – «старо-Вотскою» и «старо-Пермскою» (там же, с. 160). Это было одно из первых этнокультурных определений, касающихся территории Прикамья. Отметим, что до сих пор, несмотря на пройденное наукой после выхода трудов Н.Г. Первухина столетие, чепецкие и верхокамские средневековые древности не находят у исследователей однозначного толкования (см. об этом: Голдина Р.Д., 1987, с. 25-28; Иванова М.Г., 1987, с. 59-79; она же, 1992, с. 68-71; Халиков А.Х., 1989, с. 43-50). И это в то время, когда в распоряжении современных специалистов находятся несравненно более обширные материалы из раскопок многих памятников.

Третья публикация Н.Г. Первухина – «Краткий очерк кладовищ, встречающихся в Глазовском уезде» (Первухин Н.Г., 1896, с. 161-173). Под понятием «кладовища» автор подразумевал не одни только клады, но вообще все древности. Поэтому поставленная им цель – «соединить в одно целое те сведения, которые удалось собрать о шаймах или могильниках» – вполне приемлема. Исследователь опубликовал здесь данные о 24 могильниках и 2 отдельных (болгаро-татарских) могилах по р. Чепце, по одному некрополю в верховьях рек Кама, Вятка, Лумпун. Автор и здесь верен себе: приводит подробное топографическое описание, планиграфию могил и анализ вскрытых погребений. Кроме могильников им рассмотрены памятники особой категории: разбойные станы, местности, связываемые с пугачевцами (в т.ч. «кладовый камень»), и местонахождения «костей допотопных животных».

Интерес вызывают некоторые исторические экскурсы ученого. Так, причинами частого перенесения населенных пунктов он считал подсечную систему земледелия и вражеские набеги, а позднее массовую христианизацию удмуртов в XVIII в. Вслед за утвердившимся среди отдельных авторов мнением, он относит Глазовский уезд к южным пределам расселения «Югры» русских летописей, т.е. «прадедов нынешних Мадьяр», которые были оттеснены после VII в. «к югу и юго-востоку (...) Вотьяками». Ссылаясь на «Повесть о стране Вятской», Н.Г. Первухин датирует появление первых русских поселенцев на Средней Вятке концом XII в., что подтвердилось позднее раскопками Л.П. Гуссаковского и Л.Д. Макарова. К XV в. относит он закрепление близ г. Слободского каринских татар, которые «суть (...) потомки Арских князей, (...) частью подчинивших себе, частью также разогнавших основное население края — Вотьяков» (там же, с. 161-162). Автор отмечает довольно высокий (в сравнении с Верхокамьем) культурный уровень аборигенов края и их значительную материальную обеспеченность и указывает в качестве доказательств этого на наличие хорошо укрепленных городищ, богатство женского костюма и обилие находок из серебра.

Таким образом, археологические работы Н.Г. Первухина и собранные им коллекции по-прежнему остаются в научном обороте и приносят несомненную пользу в деле изучения прошлого народов Прикамья.

Литература

Владыкин В.Е., Христоробова Л.С. История этнографии удмуртов: краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск, 1984.

ГАКО / Государственный архив Кировской области / Ф. 574. Оп. 1. Д. 1155.

ГАНО / Государственный архив Нижегородской области / Ф. 61. Оп. 216. Д. 231.

Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.

Генинг В.Ф. К столетию изучения чепецких древностей (Предисловие редактора) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск, 1979.

Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987.

Голдина Р.Д., Каниши В.А. Средневековые памятники верхневья Камы. Свердловск, 1989.

Живаева Г.Т. Археология // Об исследованиях культуры удмуртского народа. Ижевск, 1970.

Иванова М.Г. Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987.

Иванова М.Г. Памятники чепецкой культуры (материалы к археологической карте) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск, 1979.

Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. Ижевск, 1992.

Иванова М.Г. Чепецкие древности. Устинов, 1985.

Московское археологическое общество за первое пятидесятилетие его существования. Т. 2. М., 1915.

Память о покойном инспекторе народных училищ Н.Г. Первухине // Вятские губернские ведомости. 1895. № 89.

Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. 1888, 1889.

Эскиз 1. Древняя религия вотьяков по ее следам в современных преданиях.

Эскиз 2. Идоложертвенный ритуал древних вотьяков — по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах.

Эскиз 3. Следы языческой древности в образцах произведений устной народной поэзии вотьяков.

Эскиз 4. Следы языческой древности в образцах устной народной поэзии вотьяков.

Эскиз 5. Следы языческой древности в суевренных обрядах обыденной жизни вотьяков от колыбели до могилы.

Первухин Н.Г.*, 1896. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. Он же. По следам Чуди. У верховьев реки Камы. Он же. Краткий очерк кладовищ, встречающихся в Глазовском уезде // М-лы по археологии восточных губерний России. Вып II / Под ред. П.С.Уваровой.

Протоколы, 1888 // Древности. Т. XII. Вып. 1.

Протоколы, 1890 // Древности. Т. XIII. Вып. 2.

Протоколы, 1894 // Древности. Т. XV. Вып. 1.

Семенов В.А. К истории археологических исследований в Удмуртии // М-лы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978.

Смирнов И.Н. Николай Григорьевич Первухин // Этнографическое обозрение. 1890. № 1.

[Спицын А.А.] Н.Г.Первухин /некролог// Вятские губернские ведомости. 1890. № 1.

Халиков А.Х. Некоторые новые аспекты в этногенезе удмуртского народа // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989.

Шмидт А.В. Археологическое изучение древностей Севера СССР // Финно-угорский сборник. Л., 1928.

Л.Г. Подлевских

ПРОБЛЕМА ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ В ВЯТКЕ В ТВОРЧЕСТВЕ П.Н. ЛУПPOBA

Политическое развитие большинства государственных систем подразумевает необходимость принуждения, и Российская империя XIX в. не была исключением. Российская историография в качестве одной из основных черт развития отечественной истории выделяет противостояние власти и народа.

В 30-х и 60-х гг. XIX в. появилась необходимость в государственном подавлении одновременно больших групп населения империи. Необходимость эта возникла как следствие крупных национальных волнений на окраинах. Наиболее значительными из них, вызвавшими резонанс во всем мире, стали польские восстания 1830-1831 и 1863 гг.

Подавление такого рода социальных возмущений всегда вызывает и потребность в принятии ответных мер правительства. Массовая политическая ссылка восставших поляков стала реакцией российской государственности на действия повстанцев. В пра-